

праздник уже кажутся мне очень незначительным делом для имени, которому выпала на долю действительная слава,

Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий.

Не мы Пушкину устроили памятник и праздник; скорее он их для нас устроил, он дал нам три дня чистого воодушевления, зажег в нас, хоть на время, искру лучшего существования.

И вообще, наши права и заслуги в рассуждении памяти Пушкина, мне кажется, еще очень не велики, и мы лучше сделаем, если будем помнить о своих обязанностях». ⁶³

Многое, очень многое изменилось за эти восемь лет. Радикально изменилось и отношение Страхова к Достоевскому. Теперь, возможно, ему неприятно было вспоминать то, что он писал о Пушкинской речи Достоевского, понятней стала критику и скептическая позиция Толстого, бойкотировавшего торжества. Это и выразилось в элегическом послесловии к статье. Но тогда, в 1880-м и в самые первые годы нового десятилетия настроения были совсем другие, праздничные и мажорные. Понемногу сглаживались недоразумения между Страховым и Достоевским. Выступил Страхов и посредником между писателями. Первый шаг к сближению сделал сам Толстой: в сентябрьском письме 1880 года он необыкновенно лестно отозвался о «Мертвом доме» и просил Страхова передать Достоевскому, что он его любит. Страхов охотно исполнил просьбу Толстого, передав при встрече с Достоевским его «похвалу и любовь». Сообщил он и Толстому о реакции Достоевского, ошеломленного тем, что Толстой поставил его, в сущности, выше Пушкина: «Он очень был обрадован, и я должен был оставить ему листок из Вашего письма, заключающий такие дорогие слова. Немножко его задело Ваше непочтение к Пушкину, которое тут же выражено («лучше всей нашей литературы, включая Пушкина»). «Как, — включая? — спросил он. Я сказал, что Вы и прежде были, а теперь особенно стали большим вольнодумцем». ⁶⁴

Чувствуется, какое удовольствие получает Страхов от доверительного и дружеского общения с Толстым и Достоевским. Недолго, однако, довелось Страхову исполнять функции посредника между ними. Смерть Достоевского, наступившая вскоре, навсегда сделала невозможной встречу писателей, о чем неоднократно сожалел Толстой. О смерти Достоевского известил Толстого Страхов, писавший ему о «чувстве ужасной пустоты, которая не оставляет его с той минуты, когда узнал об этом». Письмо органично вылилось в некролог, отчасти использованный критиком в воспоминаниях и поминальных речах и очерках: «В одно из последних свиданий я высказал ему, что очень удивляюсь и радуюсь его деятельности. В самом деле, он один равнялся (по влиянию на читателей) нескольким журналам. Он стоял особняком, среди литературы почти сплошь враждебной, и смело говорил о том, что давно было признано за *соблазн и безумие*... Он затмил Тургенева и наконец сам затмился. Но ему нужен был успех, потому что он был проповедник, публицист еще больше, чем художник». ⁶⁵

Попросил Страхов у Толстого и позволения сослаться на его письмо с отзывом о «Мертвом доме» (для речи в Славянском комитете). Оказывается, что и он сам под впечатлением от столь высокой похвалы «стал перечиты-

⁶³ Там же. С. 179—182.

⁶⁴ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 579.

⁶⁵ Там же. С. 591.